

Последнее десятилетие... **(Борисо-Глебский монастырь: 1917–1928 гг.)**

С.А. Лапшина

В советскую эпоху история России XX в. традиционно рассматривалась с позиций атеизма. Это определенным образом сказалось на объективной оценке происходившего. Вместе с тем идеализировать церковную жизнь на рубеже XIX–XX вв. также было бы несправедливо. Политические и идеологические катаклизмы, потрясшие Россию в первой трети XX в., привели к искажению основ русского менталитета и расколу общества. Те же процессы шли и внутри Церкви. История Борисоглебского монастыря стала отражением бурных послереволюционных событий.

Несмотря на относительную близость этого времени, истинное положение вещей до сих пор в значительной степени сокрыто «под спудом». Однако существенно дополненный объем архивных материалов по данной теме позволил проследить основные тенденции в отношениях Борисоглебского монастыря с Советской властью и местным крестьянским обществом, получить представление о внутреннем состоянии религиозной общины, о духовных исканиях и настроениях монашествующих и верующих мирян.

В процессе работы был привлечен широкий круг исторических источников. Это декреты и постановления высшей власти, архивные документы КГБ, протоколы заседаний президиума Борисоглебского ВИКа, переписка местных государственных органов, документы Ростовского госмузея, в чьи функции входили учет и охрана памятников, материалы по ликвидации монастырей Ростовского уездного ликвидационного отдела. Были просмотрены фонды местных краеведов. Отдельный комплекс составил архив Борисоглебского монастыря: монастырские ведомости и приходорасходные книги, которые характеризуют земельные владения обители, ее доходную и расходную стороны, изменения в церковном имуществе, ремонт и постройку культовых и хозяйственных зданий, рост монастырского некрополя и т.п. Признавая то, что составить до конца объективную картину событий того времени практически невозможно, автор настоящей статьи на основе анализа имеющихся источников и вновь выявленных документов попыталась сделать некоторые выводы и обобщения. Большая часть документов вводится в научный оборот впервые.

К началу 1917 г. Борисоглебский монастырь представлял собой крупное, рентабельное хозяйство, теснейшим образом связанное, пе-

реплетенное своими корнями с деятельностью борисоглебских крестьян. Монастырь владел усадебной землей и сенокосной пожней в Борисоглебских слободах, мукомольной водяной мельницей в д. Акулово¹, Вепревским рыболовным озером в Карашской волости, несколькими пустошами и лесными участками в Ростовском и Угличском уездах. Общая площадь земельных владений составляла около 280 десятин². После Спасо-Яковлевского Борисоглебский монастырь был одним из крупнейших церковных собственников в Ростовском уезде. Приносили доход монастырю сдававшиеся в аренду ростовским купцам и обществу крестьян Борисоглебских слобод торговые лавки на базарной площади. Так называемый Конюшенный двор – двухэтажное здание за западной монастырской стеной – арендовала почтово-телеграфная контора. Примыкающее к северо-восточной угловой башне каменное двухэтажное строение с конца XIX в. находилось в аренде у крестьянина Юрьевской слободы Ростовского уезда «ресторатора» А.Д. Шадрин³. Исправно платили аренду и крестьяне, построившие дома на монастырской земле⁴. В 1917 г. арендная плата составляла значительную сумму – более 5,5 тысяч рублей⁵.

Февральскую революцию в Борисоглебских слободах встретили спокойно. В те месяцы в умах людей всех сословий царило революционное настроение, все общество жило ожиданием перемен к новой, лучшей жизни. Крестьяне «бредили» Учредительным собранием, которое обещало им землю. В Борисоглебском волостном правлении были приостановлены все дела, связанные со спорными вопросами о земле «впредь до Созыва Учредительного собрания и окончательного решения им земельного вопроса»⁶.

С начала марта 1917 г. Временное правительство стало создавать в волостях так называемые Земские управы как главные исполнительные органы на местах. Члены и активисты Борисоглебской волостной земской управы были подведены к присяге иеромонахом Борисоглебского монастыря Виссарионом. Она содержала следующие слова: «Клянусь честью гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и преданным Российскому государству как своему Отечеству. Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления образца правления волею народа, посредством Учредительного собрания...»⁷. Из приведенного текста следует, что крестьяне присягнули Временному правительству только как временному органу, искренне полагая, что Учредительное собрание законным путем утвердит новую форму правления в России.

Октябрьские события 1917 г. не изменили обычного течения жизни в Борисоглебских слободах. Монастырь продолжал жить своими прежними заботами. Его хозяйство, как и прежде, оставалось прибыльным. Формально переведенный в собственность государства в 1918 г.

Борисоглебский монастырь со всеми своими владениями вплоть до 1924 г. сохранял полную автономию⁸.

Этот переходный период между национализацией церковной собственности и ликвидацией монастырей (1918–1923 гг.) в разных районах имел свои особенности. Там, где позиция власти была особенно жесткой, монастырским общинам пришлось создавать гражданские трудовые артели. В Борисоглебском монастыре все было относительно спокойно. В первые годы отношения монастыря с местной властью приближались к конструктивным. Перемены не нарушили привычного распорядка монастырской жизни. «ВИК имущество монастыря не учел, мер против монахов не принимал, и таковые продолжали жить по-старому»⁹. Во всех храмах не прекращалось богослужение, продолжалось совершение треб, шел сбор пожертвований, проводились незначительные ремонтные работы и т.д.

В 1918 г. Борисоглебским волостным исполнительным комитетом у монастыря был изъят «как необходимое помещение для культурно-просветительской работы»¹⁰ только двухэтажный каменный корпус напротив угловой северо-западной башни, который стали называть Народным домом. Несколько позже национализировали конюшенный двор со всеми при нем постройками. Этот дом не был передан ВИКом на баланс Ростовского музея и после 1924 г., поскольку здание объединяло все учреждения волости¹¹.

Голод и инфляция 1918 г. не могли не сказаться и на монастырском хозяйстве. Пришлось торговать монастырским имуществом: от лошадей до старых саней-розвальней, оконных рам, хомутов, седелок, старых могильных плит, яблок с монастырского сада и соленых огурцов из погреба¹². Крупных пожертвований в монастырь в то время не было. Записи о денежных вкладах в приходо-расходных книгах были большой редкостью.

Монастырь пытался приспособиться к иным условиям жизни и искал новые формы получения прибыли. Доходной статьёй стала сдача в аренду породистых, ухоженных лошадей. В Борисоглебской волости сложилась традиция заказывать монастырю снаряжение свадебных подвод. Промышлял монастырь и частным извозом, арендовал лошадей и Борисоглебский ВИК¹³. Об этом упоминал в своих мемуарах один из тогдашних советских руководителей С.М. Мухин: «Представьте себе, разъезжает по волости председатель волисполкома, а на козлах – монахи!»¹⁴

Доходной статьёй была также продажа земли на монастырском кладбище. Место на нем в начале XX в. стоило от 10 до 1500 тыс. рублей, в зависимости от площади и приближенности к храму. В монастырскую казну поступал сбор от крестных ходов с чудотворной иконой преп. Ириарха – веригоносца, затворника и чудотворца Борисоглебского¹⁵. Хождение с иконой преп. Ириарха по селам и весям Ярос-

лавской губернии было разрешено указом Пресвященного Нила, архиепископа Ярославского и Ростовского в 1873 г.¹⁶ Почитание преподобного Иринарха в Ростовском уезде было огромным. Крестные ходы с его иконой стали неотъемлемой частью духовной жизни Борисоглебского монастыря. После революции эта традиция не прекратилась. Только в 1918 г. было совершено 12 крестных ходов в Вошажниково, Протасьево, Варусово, Паникарово, Глинку, Дятьково, по селениям Ростовского и Угличского уездов¹⁷. Обычно монастырем выделялась для этого подвода, один или два дежурных монаха; икону ставили на повозку, которая отправлялась по селам и весям Ярославской губернии.

Переход на новый этап жизни ознаменовался для братии Борисоглебского монастыря печальным событием: смертью архимандрита Власия, управлявшего монастырем с 1909 г. Несколько месяцев обязанности настоятеля исполнял эконом иеромонах Александр (Скорик), лишь в начале 1918 г. последовало назначение архимандрита Мефодия.

Июльские события 1918 г., когда отголосками Ярославского белогвардейского мятежа прокатились восстания в нескольких окрестных селах, стали переломными для Борисоглебского монастыря: архимандрит Мефодий, как один из инициаторов беспорядков, был отстранен от должности Советской властью в апреле 1919 г. До сих пор не удавалось установить его мирского имени. Было лишь известно, что в апреле 1919 г. Мефодий был перемещен в Ростовский Авраамиев-Богоявленский монастырь¹⁸. В синодиках этих монастырей он поминается как «невинноубиенный». Поименное прочтение двухтомной Книги памяти выявило запись: «Львовский Николай Васильевич, род. 1863 г. в с. Морозовичи Крестовского района Новгородской обл., архимандрит Абрамьевского монастыря в Ростове»¹⁹. Найденное в архивах КГБ уголовное дело подтвердило, что Львовский Николай Васильевич и архимандрит Мефодий одно и то же лицо. В материалах уголовного дела открывается, что же на самом деле происходило в монастыре и кто «устранил» о. Мефодия. Здесь налицо классический тандем Советской власти и недовольной части монашествующих. В марте 1919 г. большинство монахов и послушников написали заявление в Ростов «товарищу комиссару Николаеву» с обвинениями в адрес настоятеля, которое заканчивалось словами: «А куда же нам писать, обиженным, как не в Советскую власть? Мы преданы вам, верным, справедливым товарищам!»²⁰. Видимо прав был архимандрит Мефодий, в шутку заявляя: «Да что нам коммунисты, у наших монахов своя большевистская партия есть!»²¹. Не поставили свои подписи под этим посланием только казначей иеромонах Александр и духовник иеромонах Антонин, наиболее близкие о. Мефодию люди из числа старшей братии.

Ситуация в Борисоглебской обители отражала нездоровый духовный климат, который наблюдался тогда во многих российских монастырях. В отношениях между монахами, а именно между старшей и меньшей братией, было нестроение и разобщение. Местный комиссар был осведомлен о самых мелких, незначительных деталях монастырского быта. Довершал тяготы стоявший некоторое время на постое в монастыре карательный отряд красноармейцев во главе с ростовским комиссаром Кисляковским²².

Обратившись к Советской власти за помощью, монахи объявили своего настоятеля контрреволюционером. При содействии вол-исполкома 1 апреля 1919 г. ими была проведена сходка борисоглебских крестьян, настоятеля отстранили от должности, предложив ему покинуть Борисоглебские слободы в 24 часа. Прожив в Ростове полгода, архимандрит Мефодий был арестован 2 ноября 1919 г., а 27 ноября дело передали в ВЧК для санкции приговора о расстреле по обвинению «в ведении среди монашествующих лиц и приходящих в Борисоглебский монастырь граждан агитации против Советской власти, в расхищении монастырского имущества и в ведении разгульной жизни»²³.

Главным свидетелем по делу архимандрита Мефодия проходил иеродиакон Спиридон (Спиридон Андреевич Конкин, 55 лет). До 1918 г. он находился в Афанасьевском монастыре в свите архиерея. Во время Ярославского восстания Конкин пребывал в Ярославле, но уже 20 июля 1918 г. его внезапно переместили в Борисоглебский монастырь. Именно этот факт поначалу заинтересовал ЧК: не был ли он тайным агентом, присланным мятежниками для организации крестьянских волнений в Борисоглебском крае? Поэтому Конкин был задержан одним из первых. На допросах относительно своего перемещения в Борисоглеб он никаких объяснений не представил, зато давал показания на свое духовное начальство (архимандрита Мефодия, епископа Иосифа и митрополита Агафангела). Это для следствия было куда важнее. Удивительно, что монахи и послушники, активно давая показания против своего настоятеля, вдруг стали давать показания и друг на друга, так что получилось, что архимандрит Мефодий оказался среди всей братии самым незапятнанным. В процессе следствия обвинения не подтвердились ни документами, ни свидетельскими показаниями. Однако дело, сфальсифицированное от начала и до конца, торопились закрыть и вынести обвинительный приговор. Не имея доказательств, ГубЧК дала в Ростов срочную телеграмму комиссару Николаеву: «Имеется ли у вас обвинительный материал на попа Львовского? Если имеется, то спешите с высылкой такового»²⁴. Из стенографии допросов о Мефодия видно, что за считанные дни он был доведен до психического расстройства.

Пребывание в течение нескольких недель в камере смертников в «Коровниках» в г. Ярославле побудило архимандрита Мефодия напи-

сать письмо В.И. Ленину: «...или поскорее расстреляйте меня, или же освободите ради Второй Годовщины Российской Республики, но отнюдь не держите меня в тюрьме...»²⁵. 6 ноября, в канун годовщины революции, он был отпущен. То была горькая насмешка, поскольку 12 ноября отец Мефодий был арестован вновь и отправлен в ГубЧК, а 18 декабря ему вынесли заключительный обвинительный приговор, который тут же привели в исполнение. Большинство же братья оказались под судом и следствием по делу бывшего настоятеля.

Наступил хаос и полная разруха монастырского хозяйства. Между тем прихожане Борисоглебского монастыря, опасаясь его закрытия, первыми забили тревогу, «чтобы не осталась обитель преподобного Иринарха в запустении»²⁶. Староста Борисоглебского отделения Ростовского Общества хоругвеносцев А. Маркушев, председатель собрания верующих Борисоглебских слобод М.А. Сычев и церковный староста Н.А. Шадрин написали письмо в Москву патриарху Тихону. Верующих глубоко волновало, что монастырь оставался без настоятеля в такое «шаткое, смутное для религии время». Кандидатов на должность настоятеля было несколько, но совершенно неожиданно для всех всплыла фигура архимандрита Птоломея, проживавшего на покое в Покровском монастыре г. Углича. Указ о его назначении последовал 23 июля 1920 г.

В Борисоглебских слободах в это время свирепствовали голод и болезни. Особенно страшной была эпидемия сыпного тифа, причиной которого были «вшивость и отсутствие в Борисоглебской волости мыла»²⁷. Постоялые дома были переполнены «мешочниками» (бродячим людом), именно они были повинны в распространении эпидемии. Летом 1919 г. в волости началась холера. Ростовский отдел здравоохранения просит Борисоглебский ВИК передать помещение монастырской богадельни под заразный барак. Мирская жизнь широкой волной ворвалась в монастырскую ограду. Несколько монашеских келий были переданы под квартиры. Множество кладовых помещений в башнях монастырской ограды, подклеты храмов и другие хозяйственные строения внутри монастыря были также изъяты ВИКом «как доходная статья местного бюджета»²⁸.

В дополнение к антирелигиозной пропаганде и начавшимся гонениям на Церковь наметился ее раскол изнутри. Церковь была значительно ослаблена и разобщена. Наглядным подтверждением смятения верующей души является письмо монаха Толгского монастыря Климента к мирянину, жителю Борисоглебских слобод (обращается в письме «Дорогой Вася») ²⁹. Мудрый, думающий, ищущий правды монах не только пытается рассказать своему собеседнику обо всех перипетиях внешней жизни, но и объяснить, что происходит внутри церкви и какое духовное обнищание следует из этого раскола. Услышав выступления лидеров обновленческого движения в Москве, инок по-

нимает, что «это самодельные церкви на службе у государства. Нашу же истинную церковь запаковали, скоро истинных христиан будут преследовать, а про монахов и говорить нечего. Жатва смерти будет велика! ...Кто тут виноват? Сами видно виноваты, Господь по грехам нашим попустил злу воцариться на земле, а теперь нам остается с самоукорением, безропотно все переносить и лишь просить «не прогневайся до конца... накажи, а потом и помилуй...»³⁰. Это частное письмо монаха к другу, возможно родственнику, отражает чувства многих верующих: смятение, страх, предчувствие близости катастрофы.

По приходам и монастырям духовные пастыри тайно рассылали послания с разъяснением сущности церковного раскола. Одно из таких писем, найденное в Борисоглебском монастыре у архимандрита Птоломея во время обыска в 1928 г., заканчивалось призывом: «И я зову вас вместе со мной присоединиться к ликованию и верить, что через страдания и молитвы восторжествует церковная правда на земле!»³¹.

Не менее интересен и важен вопрос о взаимоотношениях в рассматриваемое время Борисоглебского монастыря с Ростовским музеем. Безусловно, он заслуживает отдельного глубокого и серьезного исследования. Здесь же нам видится целесообразным обозначить лишь некоторые факты, имеющие существенное значение. Во-первых, с момента своего основания Ростовский музей тесно сотрудничал с монастырем; во-вторых, возможность использования предметов древнерусского искусства, хранящихся в обители, принималась монастырским руководством безоговорочно. Сотрудники музея, любители и исследователи старины были здесь частыми гостями, им предоставлялась возможность изучения памятников письменности и древнерусского искусства, что послужило созданию ряда интереснейших краеведческих трудов и публикаций. Наконец, нельзя не признать, что сотрудничество музея и монастыря было полезным и взаимовыгодным.

Еще до 1917 г. в Музей церковных древностей из Борисоглебского монастыря было передано на постоянное хранение множество предметов, представлявших историческую и художественную ценность. После 1917 г. эта традиция была продолжена. Идея сохранения церковных ценностей в музее была не нова и принималась в то время обществом как данность. Вот почему решение о создании в монастыре в архиерейском доме отделения Московского музея в 1918 г. было встречено монастырским руководством с пониманием. Прибывшая в монастырь 27 ноября 1918 г. комиссия Московского Археологического общества была с почтением принята архимандритом Мефодием³². Тогда, в 1918 г., была весьма реальной возможность создания филиала Московского музея, и, если бы эта идея осуществилась, вероятно, события развивались несколько иначе.

Несмотря на то, что все имущество монастыря было национализировано еще в 1918 г., никаких существенных перемен в первое время не происходило, монастырь пользовался своими прежними владениями без всяких оговорок. Лишь в 1923 г. после выхода декрета Совнаркома от 19 апреля 1923 г. активизировался процесс передачи церковной собственности. 28 сентября 1923 г. в Ростове состоялось особое совещание комиссии Ростовского уезда по проведению в жизнь этого декрета³³. От Ростовского музея на этом совещании присутствовал директор Д.А. Ушаков. Председательствующий указывал, что необходимо «немедленно все земли, инвентарь, имущество и здания монастырей, представляющие художественно-историческую ценность старины»³⁴, передать в ведение Главмузея. Однако единодушия в этом вопросе не было. Многие из собравшихся понимали, что предлагаемый путь для Ростовского уезда вряд ли удачный: доходы уезда, который изобилует этими памятниками, невелики, состояние их неудовлетворительное, извлечения из них доходов, безусловно, не будет, средств на содержание памятников центр дать не может и т.д. Но эти аргументы не повлияли на решение комиссии. Все Ростовские монастыри, в том числе и Борисоглебский, со всем имуществом и постройками были переданы в ведение Главнауки.

Официальная передача монастыря Ростовскому Госмузею состоялась 6 августа 1924 г. Борисоглебский ВИК передал монастырь музею по описи, составленной «крайне небрежно и неграмотно»³⁵. Сразу же в Борисоглебский монастырь был направлен уполномоченный Ростовского музея Мартъянов, в обязанности которого входило наблюдение за состоянием зданий монастыря и собирание квартплаты, в том числе и с монахов, остававшихся в монастыре³⁶. В 1926 г. за «не использование монастыря должным образом, за халатное отношение к этому вопросу»³⁷ заведующему Ростовским музеем Д.А. Ушакову объявили выговор.

6 июня 1926 г. по описи двухгодичной давности музей передал монастырь церковной общине, в обязанность которой тут же вменили «поддержание храмов в исправности». Борисоглебской церковной общиной была собрана значительная сумма – 3 000 рублей, которая тут же была употреблена на ремонт храмов. На средства общины был проведен ремонт Сретенской надвратной церкви, обновлены надгробные памятники настоятелям и проведены работы по благоустройству монастырского кладбища³⁸. Следует констатировать, что с 1924 по 1928 г. музея в монастыре фактически не существовало, поскольку никакой присущей ему деятельности не велось, не проводились даже просветительские экскурсии.

Коренным образом ситуация изменилась в 1928 г., когда в Борисоглебское отделение Ростовского Госмузея назначили постоянного заведующего. Им оказался Иван Иванович Мокеев, крестьянин из с.

Краснова (1901 г.р.) Карьера его была стремительной: от официанта одного из борисоглебских трактиров до заведующего музеем. Вступив в ряды ВКП (б) в 1928 г., заведование музеем он совмещал с работой в Союзе воинствующих безбожников, где возглавлял Борисоглебское отделение. 7 июня 1928 г. Мокеев получил от Ростовского музея предписание поставить вопрос перед церковной общиной о передаче церкви, тем более что, создавая общину в 1926 г., председателем церковного Совета Н.И. Недошивиным музею было выдано письменное обязательство «возвратить монастырь по первому требованию». Принималось во внимание, что в 1,5 км от Борисоглебских слобод находилось «молитвенное здание в Троице-Бор, которое имеет полную возможность вместить и членов Борисоглебской общины»³⁹. Было усмотрено, что в опись церковного имущества, якобы умышленно, религиозная община не внесла ряд церковных и хозяйственных вещей, к тому же в кладовой при храме были обнаружены две военно-полевые кухни⁴⁰, что представляло собой нарушение договора на использование храма и повод для его расторжения. Все культовое имущество, имевшее музейный характер, было решено изъять для музейных и выставочных целей, а имущество, не имеющее культового значения, передать в распоряжение музея.

Весть о закрытии монастырских церквей вызвала негодование среди населения Борисоглебской волости. Иеромонах Антонин (Шестаков) с иконой преп. Иринарха обошел все селения волости, призывая народ к духовному сопротивлению. Травмировало верующих не столько закрытие церквей, сколько «превращение их в балаган» (имелось в виду создание музейных выставок), которое расценивалось ими как «кощунство над религией».

Общее собрание общины по вопросу передачи церквей музею было назначено на 19 июня 1928 г. Но еще задолго до собрания наиболее активные борисоглебские крестьяне А.Д. Мостовщиков, И.Н. Черепенников, П.П. Клюкин и Ф.Ф. Константинов, которые, по словам иеромонаха Антонина, составляли «оплот православия», стали проводить агитацию среди борисоглебского населения. Поэтому удалось собрать 500, а по некоторым данным около 700 крестьян, хотя численный состав общины составлял всего 210 человек. Собрание проходило в Народном доме. В зале среди присутствующих женщин слышался плач. Во время собрания был допущен целый ряд «контрреволюционных выражений». Вот лишь несколько реплик: «Такой монастырь на всю волость один, и, отбирая его, вы вызовете восстание по всей волости!» (Федор Федорович Константинов, крестьянин из д. Кандитово). «Это не власть, а сборище хулиганов. Были когда-то два немецких хулигана Маркс и Энгельс, насочиняли всякой чепухи, а наши мазурики-коммунисты в жизнь ее проводят!» (Иван Николаевич Черепенников, крестьянин из слободы Селище). «Началось гоне-

ние на православие, скоро негде будет служить, надо протестовать, а помещений для музея в монастыре и без церквей довольно!» (Алексей Дмитриевич Мостовщиков). «Такая политика государства религию не только не разрушит, а наоборот укрепит!» (Владимир Павлович Лапин)⁴¹. Собравшиеся пришли в крайнее возбуждение, из толпы слышались крики: «Умрем на месте, а церкви не отдадим!». В прениях хотел выступить председатель ВИКа Москалев, но толпа подняла такой шум, что говорить ему было невозможно. Зав. музеем И.И. Мокееву удалось уйти через черный ход. Позднее он признавался на допросе, что «иначе толпа разорвала бы его на куски». Даже ОГПУ не отрицало того факта, что инцидент на собрании борисоглебской общины «в известной степени явился следствием неумелого подхода со стороны лиц, ставивших вопрос о передаче церквей музею»⁴². Члены совета общины выбрали делегацию во главе с И.Н. Черепенниковым для поездки в Москву. Было составлено прошение на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина, в котором крестьяне просили уже не о сохранении монастыря как такового, а о передаче верующим лишь одного храма, а именно собора свв. Бориса и Глеба, в качестве приходской церкви. Этот документ неоднократно цитировался в различных работах по данной теме. Однако только сейчас удалось установить его авторство. Прошение составил юриконсульт Засорин, проживавший тогда в Борисоглебских слободах. После этого его тут же исключили из коллегии адвокатов, якобы за взятки, кроме того, ему было запрещено заниматься юридической практикой⁴³. В прошении отразились характерные черты народного, крестьянского менталитета: «...К посещению храма и принятию обрядов мы приучены сызмалства и всосали это с молоком матери, так что для нас молитва и обряды являются необходимыми. Мы хорошо знаем, что правительство не насилует, а лишь только убеждает в ненужности религии, но нам, старикам, отстать от религии уже невозможно...»⁴⁴. Передача церквей на некоторое время была приостановлена, но ВЦИК отклонил прошение борисоглебских крестьян, объяснив это тем, что «соглашение на передачу монастыря музею имеется общее на все здания, а выделение одного храма из целого комплекса невозможно»⁴⁵.

После июньских событий последовал арест иеромонаха Антонина (илл. 1) и двух борисоглебских крестьян Ф.Ф. Константинова (илл.2) и И.Н. Черепенникова (илл.3), для которых вера была не только образом мысли, но и образом жизни. Хотя власть и признала позднее, что в их действиях не было состава преступления и «их поведение ничем не отличалось от поведения других крестьян»⁴⁶, но для умирения толпы эта мера была необходима. Это был первый арест борисоглебских крестьян по 58-й (политической) статье. Именно с 1928 г. началась широкомасштабная высылка крестьян, большую часть которых

составляли православные, сохранявшие старый религиозный уклад жизни на бытовом уровне. Пробыв три месяца в следственном изоляторе в Ярославле, Черепенников и Константинов были отпущены, дело же иеромонаха Антонина было отправлено в Москву на рассмотрение особого Сопровождающего при коллегии ОГПУ, которое постановило «заклечь Шестакова Александра Петровича в концлагерь на Соловки сроком на 3 года»⁴⁷. Иеромонах Антонин до конца остался верен своим духовным принципам, единственно возможной формой общения со следствием он избрал юродство, виновным себя не признал, не сообщил ничего компрометирующего ни на прихожан, ни на монашествующих.

Несмотря на описанные трагические события, жизнь в Борисоглебе продолжалась. С одной стороны, старый уклад жизни все еще привлекал и притягивал борисоглебцев. Службы в монастыре по-прежнему посещало много народу, особенно, когда служащим диаконом был протодиакон Феофан, которого в слободах называли «борисоглебским Шалапиным», а на клиросе пел весь церковный хор (регентом был борисоглебский крестьянин Леонид Григорьевич Чесалов). В пасхальную ночь монахи зажигали огни на всех башнях. В «Смоленскую» крестный ход обходил весь Борисоглеб, каждый крестьянский дом. Как признавался позднее житель Борисоглеба Л.И. Земляничин «...театральный эффект получался сильным»⁴⁸. Поэтому нужно было приложить максимум усилий, чтобы отвлечь народ от старых традиций.

В 1920-е гг. молодежь увлекли пожарным делом. Были созданы две пожарные команды – начальником одной был Л.И. Маркушевич, другой – Л.Г. Чесалов. Дружины устраивали парады, соревнования, смотры: оба начальника верхом на лошади объезжали свои дружины. Популярным в молодежной среде стал футбол. Новая историческая эпоха пришла и в Борисоглебские слободы...

Вечерами юноши и девушки гуляли в «Кокуйском» лесу (лес по дороге на д. Опальнево). Гулявших было очень много – пели песни и танцевали под гармошку. Центром культурной жизни Борисоглеба был так называемый Народный дом. Участники художественной самодеятельности ставили спектакли, большим успехом у зрителей пользовались актеры А.Ф. Мазаев и Н.М. Сычев, которые в последствии вышли на большую сцену. Борисоглебские слободы облюбовали артисты ярославского театра им. Ф. Волкова, летом они выезжали сюда на дачи, жили в Троице на Бору, а по вечерам давали спектакли для местных жителей в Народном доме. Здесь же проходили и сеансы немого кино. Народ с удовольствием посещал все эти мероприятия. У молодого поколения стали появляться иные приоритеты, новый этап выдвигал из толпы новых героев и отодвигал в тень забвения имена людей, создававших историю предшествовавших лет. Внешние проявления эмо-

ционального подъема теснили внутреннюю духовную сосредоточенность. Жизнь обретала новый, более энергичный темп.

На духовном здоровье борисоглебских крестьян не могло не сказаться и падение нравов монашествующих. Крестный ход с иконою преп. Иринарха стал для многих из братии обременительной обязанностью. А если учесть, что в местной печати периодически стали появляться кощунственные рассказы-анекдоты, автор которых подписывался псевдонимом «Красный дьявол»⁴⁹ и статьи, внушавшие людям, что крестные ходы проводятся лишь с одной целью – отобрать последний хлеб у крестьян, – то все это на фоне разгула воинствующего атеизма, безусловно, производило шокирующий эффект. И народ, казалось бы, отступил от веры.

Именно с закрытием храмов и прекращением деятельности религиозной общины история Борисоглебского монастыря может считаться законченной. Трудно проследить судьбы монашествующих после 1928 г.: архимандрит Птоломей, скорее всего, уехал в родной Курск, где незадолго до этих событий купил дом⁵⁰, несколько иеромонахов заменили репрессированных священников сельских приходов, другие растворились в среде обывателей. Борисоглебский монастырь разделил участь многих подобных ему монастырей. Однако счастливое его отличие заключается в том, что наличие в его стенах музея предотвратило гибель уникального архитектурного ансамбля.

**

¹ В конце 1917 г. Борисоглебский монастырь заключает беспрецедентный по длительности (сроком на 100 лет) договор аренды на Акуловскую мельницу с одним из самых богатых и влиятельных крестьян Борисоглебской волости Иваном Ефимовичем Чаловым. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7749. Л. 39. Контракты Борисоглебского монастыря.

² ГМЗРК. А-126. Л. 13.

³ РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 261.

⁴ К 1918 г. насчитывалось тринадцать домов «против западной монастырской стены». ГМЗРК. А-126. Л. 30.

⁵ РФ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4889. Об имуществе монастырей, приносящих доход.

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

⁷ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

⁸ ГМЗРК. А-126. Л. 13.

⁹ ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 19.

¹⁰ ГМЗРК. А-126. Л. 30.

¹¹ ГМЗРК. А-126. Л. 30.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 249. Л. 15.

¹³ РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 249. Л. 24.

¹⁴ Борисоглебский муниципальный архив. Ф. 219. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 334. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 249. Л. 7.

¹⁸ ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-14009. Л. 35.

¹⁹ Не предать забвению. Книга Памяти. Т. 2. Ярославль, 1993. С. 29.

²⁰ ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-14009. Л. 44.

- 21 Там же. Л. 29.
- 22 Там же. Л. 35.
- 23 Там же. Л. 1.
- 24 Там же. Л. 42.
- 25 Там же. Л. 48.
- 26 ГАЯО. Ф. 230. Оп. 12. Д. 34. Л. 2.
- 27 РФ ГАЯО. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- 28 ГМЗРК. А-126. Л. 30.
- 29 ГАЯО. Ф. 582. Оп. 2. Д. 217. Л. 1.
- 30 Там же. Л. 4.
- 31 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 25.
- 32 ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 3. Д. 29. Л. 17 об.
- 33 ГМЗРК. А-126. Л. 19.
- 34 Там же. Л. 19.
- 35 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 18.
- 36 РФ ГАЯО. Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.
- 37 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-14009. Л. 92.
- 38 РФ ГАЯО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 492. Л. 14.
- 39 Там же. Л. 6.
- 40 Там же. Л. 6.
- 41 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 2.
- 42 Там же. Л. 1.
- 43 Там же. Л. 10.
- 44 РФ ГАЯО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 492. Л. 6.
- 45 Там же. Л. 8.
- 46 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 1.
- 47 Там же. Л. 139.
- 48 Борисоглебский муниципальный архив. Ф-219. Оп. 1. Д. 8. Л. 17-22.
- 49 Газета «Ростовские известия», 1923 г.
- 50 ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-8213. Л. 6.